

ВЕРОНА ВИЕРА

МОЙ РИМ

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В42

Художественное оформление *А. Андреева*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Berkahlineart, Tetiana Yurchenko, Fukuchi, Vensto, KABITA RANI,
Graphic Core Studio 786, CreativeT-Shirt Designs,
Minoti Rani / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрации на переплете *VIS*

Виера, Верона.

В42   Мой Рим / Верона Виера. — Москва : Эксмо,
2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-242069-6

Вероника учится в выпускном классе. Она мечтает вы-
браться из маленького городка России и перебраться в сол-
нечную Италию. Всё идет по плану, пока из Москвы не возвра-
щается Роман, в которого Вероника была влюблена с самого
детства. Роман, Рома, Рим — она не может выкинуть его из го-
ловы.

Даже когда в ее жизни появляется Никита, тот самый сын
маминой подруги. Он не умеет проигрывать и настроен очень
серьезно.

Даже когда таинственный незнакомец Фабио предлагает
осуществить мечту. Ведь он так хочет наконец увидеть свою
подругу по переписке с сайта знакомств.

Вероника никогда не думала, что окажется в романтиче-
ской комедии с любовным многоугольником. Но похоже, что
у судьбы свои планы.

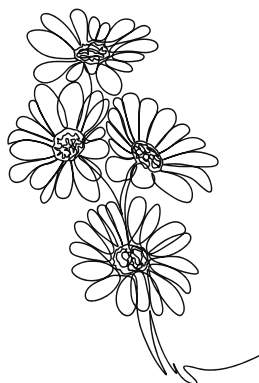
Что же Вероника все-таки выберет: мечту, любовь или
себя?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Виера В., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242069-6

Глава 1

Как мне не хватает солнца. Снаружи и внутри.

Весна в этом году совсем на себя не похожа. Куда ни посмотришь — везде серость: грязный залежавшийся снег, серые дома. И неважно, многоэтажка или барак, как у нас, — все одно.

И души. Скитаются, барахтаются между домом и работой. Сажу на подоконнике в наушниках и смотрю на остановку, что у дороги напротив дома. Пасмурное небо нагоняет тоску. Оборачиваюсь. Наши обои тоже выглядят тоскливо — отслаиваются в углу от сырости. И хотя они не такие скучные, как вид за окном, но все же надоели абстрактные пятна с узорами, будто трехлетка рисовал, пока взрослые не видят. Нужно было настоять на обычной покраске стен. Ну и что, что они неровные, зато можно сделать это в любой момент и в любой цвет, а не ждать каждый год лета, чтобы переклеить обои на новые.

Кому я вру? Новые. Они везде одинаковые, и не только в магазинах. Если зайти в любую квартиру нашего поселка на окраине города, то там в коридоре будут ромбы, в спальне круги, а на кухне — лимоны или кофейные чашки. Если и найдутся отличия, то только в оттенках. Совсем не Италия!

Вздыхаю и слушаю мелодичный женский голос в наушниках, опускаю взгляд на сестру. Она лежит на диване, обнимая подушку, и пялится в телефон. Потом кладет его рядом с собой и рычит от злости.

Боже, что может быть печальнее на свете, чем злая из-за сплетен Карина? Хихикаю.

— Sono Veronica. Sono Verona. E tu?¹

Повторяю вслух за голосом. Я учу итальянский. Однажды сбегу из этого города в Италию — туда, где солнце, море и счастливые лица. А не эти. Снова гляжу в окно на людей, а затем, спрыгнув с подоконника, поправляю сетчатый тюль и сажусь в кресло напротив дивана. Лицо Карины не лучше — унылая, она пилит грустным взглядом потолок. С самого утра сестра рыдает в подушку и материт профиль одной из местных девчонок. Карина старше меня всего на год, а ведет себя, как будто она здесь младшая.

Глупая!

Стала бы я переживать из-за такой ерунды? Из-за парня. Слишком много чести. Она по уши влюбилась в сына друзей наших родителей, а тот только из армии вернулся, и, конечно, ему льстит чрезмерное внимание девчонок с района. А на мою сестру не смотрит. Вернее, смотрит, но не так, как ей бы хотелось. Только по-дружески.

Ладно, есть один секрет — он сохнет по мне. Сам признался пару недель назад, на Восьмое марта. Но Никита совсем не в моем вкусе. Я так ему и сказала, прямо в лицо. Нет, он симпатичный, я не спорю: улыбка, ямочки и все такое. И даже рост, как я люблю. Но характер! Бр-р! Ненавижу нытиков.

---

¹ Я Вероника. Я Верона. А вы? (итал.)

И мне кажется, сестра услышала тот наш разговор.
Ненормалистка!

Она пожаловалась маме, мол, отбиваю у нее парня, который ей и не парень вовсе... по крайней мере, пока. И мама, идеал нравственности, устроила разбор моего «недостойного» поведения.

Боже, она столько мне всего наговорила! Я всю жизнь выстраиваю образ правильной и недоступной девушки, а ма считает меня распутной.

Если я в кого-то и влюблюсь, то только в итальянца.

Под мелодичный женский голос диктора я открываю приложение для знакомств и листаю ленту с молодыми иностранцами. Какие они все-таки стильные и солнечные. Не то что наши парни в поселке.

Иногда мне кажется, что я родилась здесь по ошибке. Когда выдавали билеты на рождение, кто-то взял мой да подменил. И вместо итальянской огромной и дружной семьи меня отправили в эту. Я даже внешне на них не похожа, разве только на папу, совсем чуть-чуть. А моя сестра — копия мамы: темненькая, смуглая, с карими глазами. А я наоборот: серо-зеленые глаза, светлая кожа и натуральный блонд. Я — ворона, я — ворона! Белая ворона.

Снимаю наушники.

Санта Клеопатра, опять эти всхлипы!

Не могу больше смотреть, как сестра страдает.

Я сажусь рядом:

— А ты знала, что твое имя Карина на итальянском значит красивая?

Не помогает.

Дурында отворачивается к стене и снова открывает страницу Никиты в социальной сети, разглядывает его заблюренное фото.

— Я про то, что ты красотка, и, если будешь тупить, а не возьмешь своего Никиту за рога, или что там у него еще выпирает, это сделает другая!

Хочу ее взбодрить и поэтому выхватываю телефон.

— Отдай, живо! — сестра ядовито зыркает на меня.

— Никита, любовь моя! — кривляюсь в экран и говорю ее наигранным писклявым голосом.

О! Это отдельный вид актерского мастерства. Мне стоит взять у нее пару уроков, перед тем как поступать после школы в театральный.

Дома Карина — фурия. Слово не скажи, она четвертует парой матов и низким, почти мужским тембром голоса. Но стоит ей оказаться рядом с Никитой — голос превращается в соловьиную трель: сю-сю-сю! Тошнит от этой ми-ми-мишности.

— Ладно, забирай своего мачо! — хихикаю и отдаю телефон. — Надоели твои розовые сопли.

Я подхожу к старому музыкальному центру, который стоит у окна, и, выбрав заезженный диск Линды, врубаю на всю катушку:

«Я Верона, я Верона, на-на-на-на!» — перекрикиваю певицу.

На лице сестры появляется улыбка:

— Верона-ворона! — она смеется от моих паралитических подергиваний под музыку.

— Давай, вставай! — тяну ее за руку. — Надо встряхнуться! Пойдешь сегодня с нами на концерт?! По-любому Никитос там появится. Нарядись, покрасься и покажи этому дураку, что такой красотки, как ты, он больше не встретит!

Соседка снизу стучит по батарее.

— О-о-у! — я нажимаю на паузу. — Я забыла про тетю Любэ.

Скривившись, прикусываю большой палец и виновато смотрю на сестру. Я же обещала сегодня заскочить, взять деньги и съездить в дешевую аптеку на конечную остановку. Тетя Люба частенько страдает мигренью, а тут я со своей громкой музыкой. Как-то даже стыдно.

— А разве твоя детская влюбленность не приехала? Пусть сам по аптекам и бегаёт, — цыкает Карина.

Моя детская влюбленность — это она про соседа снизу, сына тети Любы. Он после школы уехал в Москву, к своей старшей сестре, учиться. Не видела его несколько лет, и ещё не видеть бы столько же.

— Не знаю, Любё мне ничего про него не говорила. Думаешь, он вернулся?

Я падаю на пол и ухом прижимаюсь к деревянным крашеным доскам — голоса не разобрать, булькают эхом. Сестра смеётся с меня. Ну, хоть развеселила.

— И часто ты так подслушиваешь? — она встает с дивана и опускается рядом. — Ничего не слышно.

— Тише! — шепчу ей и, недовольно глянув, прислушиваюсь. — Ушли в другую комнату.

— Кто? — она тоже шепчет, округлив глаза.

— Голоса.

Ехидно улыбаюсь. В моей голове возникает коварный план — проверить, вспомнит ли он меня через столько лет?

Знаю, что я нравлюсь многим парням нашего поселка: одноклассникам и постарше, таким как сосед. И это заводит! Люблю проверять теорию своей невероятности и ловить восхищенные взгляды, но мало кто из парней решается ко мне подкатить. Как говорит моя сестра: это потому, что у меня всегда такое лицо, что ко мне на обычном осле не подъедешь.

Просто я знаю себе цену.

Ладно! Начинаем эксперимент.

Я поднимаюсь и открываю шкаф: достаю кроп-топ с пуш-ап эффектом, снимаю с вешалки белую, почти прозрачную рубашку. Обтягивающие джинсы уже на мне. Стягиваю с себя домашнюю футболку и вешаю на спинку кресла, надеваю топ, сверху рубашку.

Моя грудь и так высока и упруга, но пуш-ап эффект... дай Бог здоровья тому, кто его придумал!

Сестра сидит на полу, облокотившись о диван, и смотрит снизу вверх, улыбается:

— Ты точно ведьма. Столько булок ешь, а на животе ни жиринки. — Карина фыркает и снова хватает свой телефон, разговаривая со мной между делом. — А если он все-таки приехал? Что скажешь?

— Сделаю вид, что я к Любэ! Пришла помочь, как обычно.

Смотрюсь в зеркало шкафа-купе.

Так. Не хватает глянца. Я нахожу в сумочке бледно-розовый блеск и касаюсь кисточкой губ, а после, поправив пальцем, им же наношу мазки на скулы. Сгибаюсь пополам и, взъерошив волосы, выпрямляюсь, после чего радуюсь объему волос. Готово!

— В таком виде ты пойдешь в магазин? — усмехается сестра. — На улице минус семь. Ау, ворона!

Она крутит пальцем у виска и снова залипает в телефон.

— Нет, конечно. Если что, я вернусь и оденусь во что-нибудь теплое.

Еще раз гляжусь в зеркало и растягиваю улыбку до ушей:

— Buongiorno! Sono Veronica. Molto piacere!¹

Поражаясь моей уверенности в себе, Карина на мгновение закатывает глаза.

— Все, я пошла! — выхожу из комнаты. — Каблуки или кроссы? — кричу сестре из коридора.

— Валенки! — слышу ее усмешку в ответ.

* * *

Я спускаюсь на каблуках по неотесанным бетонным ступенькам со второго на первый этаж. Лишь бы не вернуться. Сколько раз я падала с этой лестницы. Мои шрамы на ногах свидетели тех кульбитов.

Сосед, кстати, тоже.

Первый раз в четвертый класс.

Не дошла.

Сползла со ступенек, распорола гвоздем бедро, осыпав Ромку лепестками гладиолусов и своим диким воплем. Он ждал меня, чтобы вместе идти в школу. А пришлось дуть мне на рану, пока тетя Любэ заливала ее зеленкой.

Это был последний год, когда мы были друзьями. Потом Ромка стал засматриваться на девчонок своего возраста.

Растущая грудь решает многое!

А я страдала, что у меня прыщи вместо груди, и меняла платя в день по несколько раз, чтобы ему понравиться. Но Ромка все равно катал на качелях девчонку с соседнего двора и смотрел влюбленными глазами.

На нее, не на меня! Не на ту, которой еще недавно дарил цветы, милые открытки с котятками и носил в школу тяжелый рюкзак. А я стояла в сторонке и тихо

---

¹ Добрый день! Я Вероника. Очень приятно! (разг. итал.)

ненавидела соседа, что предал меня и мои незрелые чувства.

Ненавижу!

Я поправляю свой топ — красивая грудь решает все. Нажимаю на звонок. Тишина.

Натягиваю на лицо лучезарную улыбку и снова жму на звонок. Слышно вошканье за дверью, затем она плавно открывается.

— Бонджорно! — в своей привычной манере громко восклицаю, ожидая увидеть перед собой тетю Любу.

Мама миа!

Передо мной не она, а Ромка.

Романов Роман Николаевич собственной персоной.

Неожиданно сердце будто взрывается. Оно колотится, как сумасшедшее, и вместо бабочек в животе скачут бешеные антилопы, выбивая рогами из легких весь кислород.

«Раз ромашка, два ромашка, семь!» — вспоминаю нашу детскую шутку-считалку и смотрю на Ромку как на суперзвезду или своего кумира.

Он держится за ручку, щурится, изучая меня взглядом или пытаюсь вспомнить. У него взъерошенные темные волосы, на лбу испарина, а на голом торсе мелкие капли. Он дышит часто и вскидывает в немом вопросе бровь.

— А Любэ... То есть... тетя Люба... дома? — пересохшие от волнения губы с трудом разлепляются.

Не могу отвести взгляд от Ромкиного лица. Его глаза такие же синие, как и раньше. Как глубокий океан. Челка спадает на лоб, нос с маленькой горбинкой, под ним короткая щетина и на щеках тоже. Он вымахал раза в два. Возмужал.

После затяжного неловкого молчания Ромка наконец отвечает, постоянно выдыхая и оглядываясь, будто я оторвала его от чего-то очень важного:

— Мама не будет пару недель, — он смотрит на меня внимательно, ожидает еще вопросов.

Интересно, он меня узнал?

— Ясно. Я думала...

— Да, сейчас.

Он захлопывает перед носом дверь. Вот это поворот! Прислушиваюсь, ежась от подъездного сквозняка. Слышу чей-то женский голос, но не тети Любы.

Ромка открывает дверь и протягивает деньги.

Зачем? Не понимаю...

— Мама сказала отдать, — он сует мне в руку свернутые пятисотрублевые купюры и снова оглядывается. — У тебя всё?

Ромка нетерпеливо подергивает ногой и ждет, когда уйду. Опускаю взгляд на трико и еле сдерживаю улыбку.

Понятно, от чего отвлекаю!

Мысленно стреляю в своих антилоп и, поправив волосы, с придыханием прошу сексуальным голосом:

— Можешь тогда больше не стучать по батарее? — натягиваю на лицо искусственную улыбку. — Бесит!

— А ты можешь больше не врубать так громко музыку и не орать, как кошка на весенней случке? Телевизор не слышно.

— Порнушку помешала смотреть? — наглею и с ухмылкой смотрю ему прямо в глаза.

Ромка фыркает и резко захлопывает перед носом дверь.

Опять? Это. Просто... Рычу и растерянным взглядом упираюсь в дерматиновую обивку с мелкими гвоздиками.

А если бы я не успела отскочить?

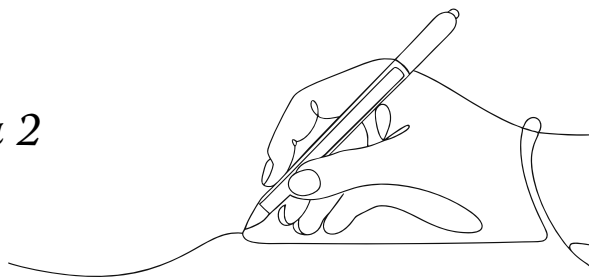
Вот придурок!

Денег я никогда не просила, но тетя Люба знает, что я коплю на билет в Италию. Спасибо ей, конечно, только чувствую себя неловко. Или это наглец сумел выбить меня из колеи?

Разворачиваюсь к лестнице, в уме переваривая произошедшее, и вялым шагом поднимаюсь домой.

Глава 2

Нужно срочно обсудить эту новость с лучшей подругой. Сестра в ожидании моего рассказа выходит из комнаты. Я молча снимаю каблуки и прохожу мимо нее за телефоном.

Сложив руки на груди, Карина упирается плечом в дверной косяк и ждет подробности:

— Ну?

Уже забыла про своего Никиту. Я же снимаю с зарядки телефон и интригующе молчу. Поганенько как-то на душе: будто съела ложку майонеза, который терпеть не могу.

— Приехал, — стараюсь отвечать равнодушно.

— И как? Симпатичный или прыщавый, как в детстве? Вес, рост?

Не помню, чтобы он был прыщавым. В моих воспоминаниях — он всегда красив. Находясь до сих пор под впечатлением, я открываю переписку с подругой.

— Рост? Рост... м-м... метр восемьдесят пять или выше, а дальше я не поняла — красивый или нет. Вроде ни-че-го, — протяжно выдыхаю, бессмысленно пялясь на страницу.

Ничего удивительного, что он вырос в такого красавчика. Если раньше к нему очереди стояли, то сейчас... Вон, не успел приехать, уже притащил к себе